

Ах, эта свадьба...

Оксана Ливанова

Оксана Александровна Ливанова

Ах, эта свадьба...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69929356

SelfPub; 2023

Аннотация

Бывали ли Вы когда нибудь на свадьбе, где русская душа "разворачивается", а "беленькая" льётся без границ? Если нет, прочитайте рассказ, и Вы окажетесь на этой свадьбе, чтобы улыбнуться.

Оксана Ливанова

Ах, эта свадьба...

Когда я была совсем девчонкой, и жизнь была похожа на водоворот событий с огромным количеством позитива, случилась в нашей огромной семье свадьба... Выходила моя двоюродная сестра Евгения замуж за Фархада, узбека по нации, и «красавца – игрока» по жизни. Но любовь «зла», полюбишь и узбека, если уж замуж охота. Но мой сказ пойдёт в общем то не об этой паре, хотя о них можно много что написать, а об потрясающем событии – свадьбе в посёлке городского типа, куда нас пригласила матушка Евгении, по совместительству моя родная тётка по папиной линии – Анастасия Семёновна.

Серьёзный подход к такому событию – это святое. Папа с мамой долго ругались, кто останется дома, охранять меня, пятнадцатилетнюю, от «кошмарных ханыг», родственников значит, по папуле моему ненаглядному. Не придя к «консенсусу», они, изрядно наоравшись, свернули баталии, и решили, что мне пора взрослеть, чему я несказанно была рада. Собрались, схватили подарок и меня, подпоясались (зима была) и рванули на электричку.

На перроне нас уже ждали пятьдесят человек родственников, которые по мнению мамы (которая комментировала каждое своё умозаключение мне на ухо) были конченные ал-

коголики, с полным отсутствием мозгов и моральных принципов. Я кивала головой, радовалась встрече с родственниками дебелими, и потихоньку начинала понимать, что это будет грандиозная пьянка с вывертом. Обнявшись хорошенько, и пообещав всем и каждому, что в этот раз всё должно быть цивилизно, без лишних возлияний, и уж конечно без мордобоя, мы рванули в открывшиеся двери электрички.

Заняв места в пустом вагоне, моя родня развернула хозяйственные сумки. Цветы в газете (гвоздики) лежали на подоконнике, скатерть из полиэтиленового пакета развёрнута на столике, пузырёк беленькой вынут из-за пазухи, и сальце (предварительно порезанное) розовело на чёрном хлебушке. Солёные огурчики доставали прям из банки (трёхлитровой) и настрой у родни в связи с этим пиршеством гастрономии, был очень даже боевой. Нам, детям – бедолагам, достались огурцы и лимонад. Мы решили, что это есть не будем, а подождём, когда, родня «накирется», и «скомун-издим» бутылочку шампанского. Когда подъезжали до места дислокации, родня всю пела «Ах эта свадьба...».

Все́й дружной толпой выйдя из электрички, направились по протоптанной дорожке к школе. Там, в столовой, пиршество и было назначено. По дороге, дядя Коля, не дождавшись начала основного мероприятия, расчехлил баян, и дальнейшая дорога пошла гораздо веселее. Тётя Света, не выдержав своего внутреннего порыва безудержно веселиться, распахнула полушубок, и подбоченясь, подпевая баяну, пошла в

пляс. Подходя к школе, на нас смотрел уже весь посёлок. Событие то конечно значимое, почему бы и не посмотреть, чать не купленные мы, на здоровье.

Возле школы стояла пара новобрачных. Женька, синяя как пупок, и её жених, весь в красивом и с цветами. Почему он с цветами стоял, я так и не поняла, но факт есть факт. Потом всё пошло не по сценарию как то, и вся церемония начало праздника уложилась в пять минут. Родня рвалась к столу. А он, скажу я вам, ломился... Наташка, сестра Женьки родная, работала в этой школьной столовой директором, оттуда и взялось предпочтение данному заведению другим (каким другим – на сто вёрст ни одного кафе). Ну и рассталась конечно, почему бы и нет. Кулинарка она у нас знатная. Чего только не было у нас столе. И красная икра, и чёрная. Колбасы и сыры, мясо копчёное и жареное. Салатов видимо-невидимо.

Дело то было в девяностых, народ к такому не привыкший был, поэтому сначала все встали в ступор. На входе стояла медицинская сестра, и из клизменной резиновой грелки наливала по граненым стаканам водку. Это было открытие официального мероприятия. Родня «жахнула», и понеслась душа в рай...

Когда начались танцульки, я уже понимала, что народ находится в сильном алкогольном опьянении, и наверняка праздник просто и культурно не закончится. Невеста плясала в середине толпы, поднимая до интимных мест атласные

юбки подвенечного платья, а жених стоял поодаль в голубом берете ВДВ, обнимаясь с каким-то из своих родственников, весело и задорно наблюдая над разбушевавшейся невестой. Тамада нажрался беленькой ещё в начале свадьбы, и спал преспокойно на стуле возле окна, никому не мешая веселиться. Конкурсы придумывали на ходу сами, и «карандаш в бутылочке» проигрывался раз двадцать. Накал страстей достиг своего апогея, и я, как начитанная и любопытная, потихоньку начала записывать в своём блокноте этот чудо праздник. Рядом со мной сидела мама, которая не могла себе позволить бросить дочь в такой ситуации, и скромно пила водку, закусывая её салатом из общей чашки.

Наплясавшись от души, дядька мой, по папиной линии, аккуратно прилёг в салат «оливье». Пришёл с танцпола, подвинул к себе салат, и не преодолев земного притяжения, голову в него и положил. Этот факт несказанно меня порадовал, и сильно огорчил мою матушку. На фразу: «Ханыга грёбаная» я никак не среагировала, а вот когда мама, схватив дядьку за вихры, рванула его башку из салата, меня пробрал смех. Дядька не обиделся, а наоборот, даже обрадовался, и посмотрел на «дикие» танцы, которые плясались недалеко от него, его же женой. Динамик орал «Фристайло», и тётя Люба зажигала под эту задорную песню вместе с проснувшимся тамадой. Парень оказался не промах, и на каждую манипуляцию юбкой тёти Любы, реагировал как подобает джентльмену. Бурно... Дядька обвёл мутным взглядом эту некультур-

ную толпу, колбаса из салата, которая прилипла к его щеке в процессе сна, упала обратно в тару, и после небольшой паузы, мой дядька рванул кулаком по столу. Бутерброды, вместе с тарелкой радостно звякнули, мама тихонько перекрестилась, я же начала чесать нос, чтобы сразу не начать смеяться на всю столовую. Ну и конечно, дядя, глядя на свою не путёвую жена, выдал: «Убью, б...». Мама попыталась закрыть мне уши, я, не выдержав, как конь ржала на всю столовую, дядька снова брякнулся в салат. От души посмеявшись, мы подняли дядьку, и не дождавшись окончания зажигательного танца тёти Любы, пошли обуваться и одеваться, чтобы поспать у тётки в квартире, перед вторым днём свадьбы. Мама тащила папу и дядьку, я тащила сумки и шапки, все остальные родственники тащились сзади, как после великой битвы, не оставляя раненых на поле боя. Придя дружною толпой в квартиру, и не без труда раздев и разув мужчин, мы начали устраивать спальные места. Стелили матрасы, покрывали их простынями, укладывали не стоящих на ногах родственников – штабелями. Закончив эту не лёгкую работу, решили прилечь. Тётка Анастасия Семёновна, зная наших мужиков, дверь межкомнатную с петель предварительно сняла, что правильно делала. Мы этих толстопузов волоком тащили, и дверь снесли бы, как пить дать. Когда все благополучно улеглись, тётка дверь обратно и поставила. И закрыла её, чтобы мы отдохнули. Я лежала возле мамы, которая каждые пять минут вспоминала всех не хороших людей из мужской

половины населения страны, и мирно засыпала под её вечное «чтобы все сдохли...»

Через пол часа молчания, я услышала тихий голос из-под одеяла моей тётки Любы, которая лежала возле своего мужа, который только недавно, хотел её убить. Короче, предложение, из неё выходящее, было следующим: «Дима, снимите мне колготки, а то жарко». Дядька, являясь ярким представителем касты подкаблучников, безропотно поднялся. Ну как поднялся, встал на четвереньки. И пополз снимать колготки своей любимой супруге. Через две минуты я и моя мама услышали характерный звук рвущегося нейлона. Я уже не могла это терпеть, убрала с себя одеяло, и попыталась не задохнуться от смеха. Дядя Дима, продолжал снимать нейлон с тёти Любы, под громкие крики оной: «Дима, ты до сорока лет дожил, не научился у бабы колготки снимать. На кой хрен ты мне такой нужен». Дядька молчал, и снимал. Я уже стояла на четвереньках, пытаюсь дышать между истерикой от смеха, слушая, как рвутся колготки, и как ругается тётка. Мама продолжала проклинать весь мир, не забывая посмеиваться вместе со мной. Когда колготки были побеждены, я мирно легла на матрас, боясь вспоминать былое...

Через тридцать минут голову поднял дядя Коля, который Светин муж. Решив справить естественные потребности после такого бурного праздника, он ползком пошёл в сторону проёма, которого уже не было, потому что была поставлена дверь. Этого он не знал, поэтому доползти то он дополз, а

вот как выйти из комнаты в поисках унитаза, понять ну никак не мог. Обследовав своим лбом каждый сантиметр стены комнаты, и не найдя выхода из положения, он ничего другого не придумал, как встать на ноги, и раскачиваясь в разные стороны, как маятник, произнести: «Замуровали демоны». Что тут началось...

Разум меня покинул, я ползала по полу и тихо скулила, потому что от смеха болел живот. Папа разбирался с мамой, дядьки разбирались с тётками, демона размуровали, дав ему сбегать пи-пи... Спать в ту ночь так и не легли.

После бессонной ночи, которая прошла под эгидой безудержного веселья моей родни, наступило похмельное утро, которое сопровождалось серыми лицами, жутким запахом, и глазами, которые выражали желание срочно опохмелиться. Смеяться я больше не могла, так как живот болел, и, если честно, очень хотелось домой. Но русскую традицию никто отменять не собирался, и второй день предназначался для того, кто смог храбро выстоять в первом.

Собрав в жёсткий кулак свою родню, Анастасия Семёновна скомандовала беспрекословно: «Быстро в столовую». Родне второго приказа давать было не надо, они рады были и первому. Собирались со скоростью космических кораблей, бороздящих в просторах нашей вселенной. Возникали конечно вопросы, а в чём собственно пойдёт тётя Люба на свадьбу, так как она совершенно не подготовлена была в вопросе смены нейлоновых колготок. Купить их прямо сию мину-

ту, возможностей не представлялось, а идти в рваных, как-то не «камильфо». Закрыв глаза на дыры, родня решила, что и так сойдёт. Выдвинулись всей толпой на праздник.

Зайдя в столовую, которая после вчерашней попойки была уже как родная, расселись по вчерашним местам. Невеста и жених не хуже моей родни маялись с похмелья, поэтому были несказанно рады появившемуся пенному напитку на столах. Пиво. Папа и мама, с радостным хрюканьем припали к живительной влаге, я радостно подвизгивала от предвкушения очередной попойки, соответственно от отсутствия со стороны взрослых контроля над детьми. И всем в тот момент было хорошо...

Заиграла музыка, водочка полилась в рюмочки, жареная курица отливалась рыжими боками очень аппетитно, и вчерашний торт, который даже не разрезали от отсутствия желания есть сладкое после горького, манил меня невероятно розовыми маргариновыми розочками. Дети, вместе со мной, быстренько проглотили этот огромный, сладкий бисквит, и налопавшись, наблюдали за толпой родни, которая уже на старых дрожжах, изрядно добавив новые, вела себя некультурно. Дядю Колю одели в «невесту», засунув ему на уровне живота шарик, показывая всем причину быстро сварганенной свадьбы. Все смеялись, засовывали в ползунки разных оттенков мелочёвку, решая в какой положить, для реализации желаний «родить» определённый пол ребёнка. Дядя Дима уже присматривал вчерашний тазик салата, кото-

рый был «обновлён» свеженьким из огромных кастрюль на кухне, чтобы мягонько приземлиться в него, и вздремнуть после возлияний, так сказать «набраться сил» для следующего рывка свадебного запоя. Короче, было очень весело. Во время этого разгула, все вдруг обнаружили, что пора на вечернюю электричку, потому что «половую жизнь», которую предлагала Анастасия Семёновна в своей квартире, вести больше никто не хотел. Да и на работу всем в понедельник, надо бы проспаться, или хотя бы сделать вид, что проспались. Я огорчилась, потому что так весело мне никогда ещё не было, но делать нечего, начали собираться.

Тётка моя конечно расстаралась, и на «посошок» одарила всех тремя стаканами беленькой, запихивая подсохшие бутерброды дядькам в усы, потому что в рот уже не попадала. Мужики мычали, вращали глазами, но есть уже не могли. А пить ещё могли, как ни странно. Тётки и моя мама, скромно потупив глаза, начали собирать со стола всё, что «плохо» лежало, чтобы «добру не пропадать». В пакетики, которые появились волшебным образом, можно сказать «ниоткуда», начали вываливать колбасы, сыры, жареную курицу, и копчёности. На пустых тарелках оставались только петрушка и укроп, которые не стали «популярными» среди моей родни. Собрав всё, что было можно, попрощавшись с женихом и невестой, которые спали на своих стульях, мы двинулись на электричку.

Когда я шла за своими родственниками по снежной до-

роге вдоль железнодорожной полосы, меня невероятно смешил тот факт, что тётя Люба, с её рваными дырками на чёрных колготках, выглядела, как «падшая» женщина. Поддерживали её с двух сторон мои дядьки, не давая ей так сказать окончательно «упасть» в пучину разврата. А если честно, то просто держали красотку, чтобы она своим носом сугроб не пропахала, потому что была невероятно пьяна.

Наконец, мы дошли до станции, где останавливалась наша электричка, и дождавшись её приезда, загрузили пьяную родню. Семейство расположилась по всему периметру вагона, снова распаковывая пакеты с едой, и доставая из-за пазухи беленькую. Дядя Коля расчехлил баян, и все весело подпевали волшебную песню «Ах эта свадьба, свадьба, свадьба, пела и плясала». Мы с моей протрезвевшей мамой в этом не почувствовали. Мамуля просто не могла уже больше пить, а я, в силу своего возраста, ещё этим делом на ту пору не занималась. Рядом с нами сидели две бабульки, которые наблюдали за нашим праздником, баяном и тётей Любой в рваных колготках. В махровых шалях, они напоминали мне доисторических динозавров, которые забыли помереть. Одна из них держала в своих крючковатых пальцах спицы, и вязала какую-то синюю тряпочку, а другая жевала корку хлеба, макая её периодически в коробку из-под спичек, в которой, по всей видимости находилась соль. Бабули потихоньку перешёптывались, но так, как я сидела рядом, мною диалог был подслушан:

Галь, ты глянь, какая пьянь весь вагон заняла, прям противно смотреть.

Да ну ладно, почему сразу пьянь то, Клав.

Как почему? Ты их рожи видела? Они из запоя не вылезают.

Не наговаривай, вон как одеты хорошо. Просто у людей праздник.

Ну хорошо, как скажешь. Действительно, вон в соболиных шапках все. Вот только скажи, зачем этим мужикам разодетым, проститутка эта нужна, в рваных колготках? С виду приличные люди, а домой эту шалаву тащат. Тьфу, срамота.

Дальше я не слышала, меня разобрал смех. Живот надрывно застонал, потому что со вчерашнего ещё не отошёл, а тут свежий «анекдот» нарисовался. Я и сейчас, как только тётю Любу проституткой представляю, сразу в голос начинаю смеяться. Уж больно забавно.

Праздник давно закончился, молодые через пять лет развелись, но память, как «фиксатор», навсегда запомнила эту потрясающую историю. Где был настоящий праздник, белый снег, и электричка.